

спорт, различные игры, танцы; верования, обряды и обычаи; явления природы, рельеф, гидрорельеф; огородные растения и цветы; полевые растения и цветы и т. д.; этот материал будет разработан во втором и третьем томах атласа.

Подытоживая сказанное, необходимо отметить, что исследование венгерских говоров обогатилось еще одним трудом, представляющим серьезную научную ценность.

Атлас является значительным вкладом в лингвистическую науку, результа-

том добросовестной и кропотливой исследовательской работы. Он призван стать настольной книгой для лингвистов, которые интересуются диалектологией вообще и лингвогеографией в частности. Кроме того, атлас представляет большой интерес для этнографов и историков, которые могут почерпнуть в нем богатую информацию о материальной и духовной культуре венгерского и украинского населения Закарпатья.

С. И. КОВТЮК (Ужгород)

<https://doi.org/10.3176/lu.1994.3.13>

Г. И. Лаврентьев, Морфологическая структура слова и словообразование в современном марийском литературном языке. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Йошкар-Ола 1994.

27 мая 1994 г. на заседании Специализированного совета по защите докторских диссертаций при Марийском государственном университете состоялась защита докторской диссертации Г. И. Лаврентьева на тему «Морфологическая структура и словообразование в современном марийском литературном языке». Оппонентами выступили профессор доктор филологических наук Н. Исанбаев (Йошкар-Ола), А. Кузнецова (Москва), Л. Васикова (Йошкар-Ола).

Стремление познать глубже системный характер языка, установить общее в различном, выявить закономерности в словообразовании обусловили разработку данной проблематики.

Можно согласиться со словами, предваряющими работу: «На протяжении примерно сорока последних лет в отечественном языкознании интенсивно разрабатываются проблемы морфемного строения слов и словопроизводства. Тем не менее многие общие и частные теоретические и практически-описательные вопросы словообразования и морфемики остаются окончательно не решенными... Синхронная структура слова и словообразование марийского литературного языка не были предметом специального системного рассмотрения» (с. 5).

Работа состоит из трех не одинаковых по объему глав.

Глава I (с. 29—48) содержит подробное рассмотрение морфемики и словообразования как лингвистических дисциплин, их взаимосвязей и взаимообусловленностей. Приводятся сведения о разграничении двух аспектов морфемики и словообразования — синхронического и диахронического, определяется место словообразования в системе других уровней общей системы языка. На основе анализа конкретного материала лугомарийского языка автор заключает, что морфемика и словообразование довольно тесно связаны с морфологией, синтаксисом, лексикой (семантикой), фразеологией и фонетикой, но не растворяются в них. Рецензент разделяет точку зрения автора, согласно которой словообразование представляет собой самостоятельный и равноправный с морфологией и синтаксисом раздел, имеющий свой объект исследования.

Глава II (с. 49—282) посвящена описанию морфемного состава лугомарийского литературного языка. В ней определяется морфема, сопоставляется значимая часть слова с фонемой и словом, дается классификация видов морфем, особенно послекоренных аффиксов; характеризуются свободные и связанные корни; рассматриваются основа слова и окончание, синонимия, омонимия, моносемия и полисемия послекорневых служебных морфем, регуляр-

ные и нерегулярные, продуктивные и непродуктивные аффиксы; поставлены вопросы о степенях членимости основ (слов), о морфонологических особенностях марийского словоизменения и словообразования, о разграничении понятий «морфемы» и «морфа»; анализируются различные типы изменений в морфемном составе слова в процессе исторического развития языка.

Вопрос о классификации постфиксальных служебных морфем в марийском языкознании, а также в финно-угроведении в целом остается до сих пор не до конца выясненным. Г. И. Лаврентьев знакомит со своим видением этой сложной проблемы. С его точки зрения, послекорневые аффиксы делятся на три группы: окончания, формообразующие суффиксы и словообразовательные суффиксы. Вызывает некоторое сомнение причисление инфинитивного *-аш-* к окончаниям, а также аффиксов с залоговыми и видовыми значениями к словообразовательным суффиксам. Конечно, с точки зрения удобства целесообразно рассматривать их в общей системе словообразования глагола. Вопрос о синкретических аффиксах, т. е. совмещателях *-аш-* в словах типа *ояраш* 'проясниться' (от *ояр* 'ясный') и *-мыт-* (*Йыванмыт* 'Иван и все те, кто с ним'), поставлен впервые.

Понятия «основа» и «флексия» как соотносимые явления одновременно выделяются только в словах, обладающих формами словоизменения. По мнению автора рецензируемой работы, различия между словоизменяемыми аффиксами глаголов (одна форма — несколько грамматических значений) и существительных (одна форма — одно значение) не могут служить определяющим критерием отнесения этих морфем к флексиям. Объективным критерием является только тождественность функций, ими выполняемых, — обе группы аффиксов служат для связи слова с другими словами. Эти и другие доводы Г. И. Лаврентьева нельзя не учитывать при установлении статуса аффиксов в агглютинативных и флективных языках. По-своему изложен вопрос о разных подходах к определению понятия основы слова. Классификация основ проведена на базе трех-четырёх параметров. В научный обиход введены доселе не известные словообразовательные суффиксы, прежде все-

го нерегулярные и непродуктивные (*-ерме-* в *пӱкшерме* 'орешник', *-ныш-* в *кугыжаныш* 'царство', *-ка-* в *пӱлка* 'часть, отдел', *-амаш-* в *ӱдыраамаш* 'женщина', *-ыкшӱ* в *лӱдыкшӱ* 'опасность', *-о-* в *пого* 'имущество, пожитки', *пудырго* 'обломок', *-неге-* в *пинеге* 'шенок', *-едыш-* в *лӱмедыш* 'прозвище', *-ын-* в *рожын* 'дырявый', *-тене-*, *-дене-* в *эрдене* 'утром' и *кастене* 'вечером' и др.).

В главе III (с. 284—382) рассматриваются вопросы о словообразовательной производности, производящей основе, словообразовательном форманте, цепочке, гнезде и т. д. Значительное место отведено способам современного словообразования.

Некоторые замечания. В названии темы работы отразилась порочная практика неразличения двух марийских литературных языков при представлении языка художественного произведения.

1. В довольно обширном списке литературных источников нет ни одного названия на горномарийском языке, в том числе и произведений классиков, пишущих на горномарийском литературном языке (Н. Игнатьев, Н. Ильяков, В. Сузы, Г. Матюковский). В то же время в этом списке оказались авторы, чьи произведения едва ли целесообразно относить к основному фонду марийской литературы.

2. Марийские литературные языки — две разные языковые системы, что утверждает и автор работы, судя по его выступлениям.

3. Деривационная система как нельзя лучше доказывает самостоятельное функционирование двух марийских литературных языков. Пример: на с. 60—62 приводится связанный корень *йӱр-*: *йӱр-л(аш)* 'падать, полегать' — *йӱр-ыкт(аш)* 'валить' — *йӱр-алт(аш)* 'валиться'. В горномарийском языке морфема *йӱр-* — свободный корень (*йӱраш* '(с)валить').

Несовершенство марийских словарей, смешивающих два марийских литературных языка, отражается в словарных статьях *йӱраш* (4 омонима) и *йӱраш* в последнем «Словаре марийского языка» (П. Йошкар-Ола 1992, с. 143—144). Три из четырех омонимов даются с пометой Г. (горное). Три из четырех — вовсе не горномарийские слова: ударение поставлено на *-аш*. В эту путаницу вносит свою лепту необозначение палатальной гармонии гласных в

горномарийском орфографическом словаре 1978 г. марЛ *йб́раш* и марГ *йб́раш*, если даже объединить их графически, не могут быть омонимами: они звучат по-разному и различаются системой деривации.

Можно привести и другие примеры деривационных расхождений. Почему корень *тар-* автор считает связанным (с. 63), здесь и в лугомарийском литературном языке есть *тар* 'вознаграждение' (Марийско-русский словарь, Москва 1956, с. 562)? В горномарийском литературном языке *tār* употребляется и как 'оплата за труд, зарплата'. Неубедительно утверждение, что *гут-* является связанным в примерах: *кечыгут* 'весь день', *кынер-гут* 'длинной с локоть', *ты-гут-ла-ште* 'в данный момент' (с. 63). В лугомарийском литературном языке встречается *кут* 'рост, длина'.

4. В работе отсутствуют примеры из горномарийского литературного языка. Коль скоро тема ее — «Морфемная структура слова и словообразование в марийском литературном языке», то в понятии «марийский литературный» объединены оба марийских литературных языка и примеры должны быть из обеих литературных норм.

Послекорневые аффиксальные морфемы Г. И. Лаврентьев делит на три разряда: 1) словоизменятельные аффиксы, 2) формообразующие аффиксы и 3) словообразовательные аффиксы; отсюда и разграничение словоизменения, формообразования, словообразования и их основ (с. 68). Дается подробное их описание. Правда, в выводах (п. 3) формообразующие морфемы почему-то названы промежуточными.

Некоторые теоретические положения представляются не вполне убедительными; прежде всего, отождествление морфемы инфинитива *-аш* с окончанием, а также сравнение морфемы инфинитива *-аш* с именительным падежом (с. 76). Что касается отождествления морфемы инфинитива *-аш* с окончанием (его названием), то более существенным представляется описание его семантической и грамматической сущности в системе глагола. И вообще название морфемы зависит от понимания грамматической категории, имеющей свое грамматическое значение и грамматическую форму, и различения грамматического и лексического значений морфемы. Разграничить их совсем не просто. По нашему мнению, вопрос заключается

не в названии, а в том, сколько словоизменятельных и формообразующих признаков имеет морфема *-аш*.

Автор считает, что в *печаш* 'городить' (от *пече* 'изгородь'), *куанаш* 'радоваться' (от *куан* 'радость') — нулевая словообразовательная морфема (с. 79). В данном случае важнее не понятие нулевой морфемы, а система словоизменения: *печэм* 'горожу', *печэт* 'городишь', *куанэм* 'радуясь', *куанэт* 'радуешься' и т.д., как и в немецком, английском языках. В этом отношении глагольный нулевой суффикс в *тол-в-за* 'приходите' и др. кажется более убедительным, поскольку вопрос связан с историей спряжения. Относительно морфемы спряжения (т.е. истории спряжения) Г. И. Лаврентьев придерживается точки зрения И. С. Галкина, что не так уж бесспорна.

Понятия «окончание» и «основа слова» непосредственно связаны с типологической классификацией языков. Г. И. Лаврентьев приводит слова О. П. Суника об отсутствии существенной разницы между окончаниями в агглютинативных и флективных языках (с. 110). Трудно согласиться с тем, что «в большинстве случаев они (падежные суффиксы) занимают положение абсолютного конца слова» (с. 111). Приводятся соответствующие примеры, но никто не подсчитывал количество таких случаев. Агглютинация характерна для языков с морфемами, которые легко приклеиваются и отторгаются от корневой морфемы. Следует обратить внимание на некоторые агглютинирующие марийские суффиксы: *-рак-*, *-де-*, *-лык-*, *-ла-* и др., они отличаются тотальностью распространения по частям речи и большой свободой размещения в структуре слова.

При такой свободе положения морфем, когда словоизменятельные аффиксы могут находиться перед формообразующими, трудно судить о соотношении окончания и основы. Поэтому нет необходимости говорить о корне и основе слова в агглютинативных языках. Морфемная структура слова в них представлена следующим образом: корневая морфема (аффикс) и некорневые морфемы (аффиксы). При необходимости среди некорневых можно вычленил окончание. В марийских языках, по-видимому, следует говорить: *мут вож* 'корень' и аффиксы.

Несколько слов об использовании терминов: звуковые комплексы с финалью *-де* (с. 41), значимые отрезки *-не, -ке, -ан*, про них же — звуковые отрезки (с. 42). Это выражения математической лингвистики, которая строит четырехугольники, треугольники из звуковых отрезков, не несущих семантической нагрузки. Они не имеют отношения к классическому, тради-

ционному языкознанию, имеющему дело с двусторонними языковыми единицами.

В заключение следует отметить, что постановка и решение в данной работе проблем, связанных с морфемной структурой слова и словообразованием в луго-марийском литературном языке, представляют значительный научный интерес.

Л. П. ВАСИКОВА (Йошкар-Ола)

SYMPOSIUM LAPONICA ET URALICA IN UPPSALA

Vom 20.—23. April 1994 fand in Uppsala das Jubiläumssymposium "Laponica et Uralica. 100 Jahre finnisch-ugrischer Unterricht an der Universität Uppsala" statt. Die drei ersten Tage waren die Vortragstage, der erste stand unter dem Thema Laponica, der zweite unter dem Thema Uralica, der dritte war Karl Bernhard Wiklund gewidmet, der 1884 den Unterricht aufgenommen hatte und später als Professor der finnisch-ugrischen Sprachwissenschaft an Schwedens ältester Universität wirkte. Zu seiner Zeit war Uppsala die einzige Universität des Landes, an der es Unterricht in finnisch-ugrischen Sprachen — von denen immerhin zwei in Schweden von alteingesessenen Bevölkerungsgruppen gesprochen werden — gab.

Die Reihe der Vorträge des ersten Tages wurde — nach der Eröffnungsrede des Rektors der Universität und der Begrüßung durch den "Hausherrn", Professor Lars-Gunnar Larsson, der auch die Geschichte des Instituts skizzierte — durch zwei Plenarvorträge begonnen, denen dann Sektionsvorträge folgten. Entsprechend wurde am zweiten Tag verfahren, während der dritte einsträngig war. Insgesamt wurden fast 50 Vorträge gehalten.

Im ersten Plenarvortrag des Laponica-Tages betrachtete Eugen Helimski "Proto-Lappisch und Samojedisch im Lichte der heutigen samojedologischen Forschung" und äußerte sich zu jenen Etymologien, mit denen Y. H. Toivonen seine Hypothese von der samojedischen Herkunft der Proto-Lappen beweisen wollte und die B. Collinder fast alle übernommen hatte, sowie auch zu

den samojedisch-lappischen Etymologien von I. Sebestyén-Németh. Er sah keine linguistischen Grundlagen für eine alte Verbindung zwischen den Sprachen und erklärte den überwiegenden Teil der Etymologien entweder für falsch oder zumindest für äußerst zweifelhaft. 20 Gleichungen hielt er für akzeptabel; für diese wollte er aber teils keinen Kontakterwerb gelten lassen, teils nahm er relativ späte, bisweilen sehr späte Entlehnung an.

Im zweiten, eine Fülle von Material konzentrierenden Plenarvortrag des Tages sprach Tiit-Rein Viitso über "Ostseefinnisch und Lappisch". Er stellte die Neuerungen im Lappischen zusammen — die Verbreitung der 35 Neuerungen in den einzelnen lappischen Dialekten nahm er auch als Grundlage, um die möglichen Dialektaufspaltungen des Lappischen aufzuzeigen — und gesellte ihnen im Ostseefinnischen vorkommende entsprechende Erscheinungen zu, soweit vorhanden. An solchen Parallelitäten, möglichen gemeinsamen Neuerungen im Lappischen und Ostseefinnischen, die jeweils hier wie dort unterschiedlich verbreitet sein können, nannte der Vortragende 14, z.B. den quantitativen Stufenwechsel, den Zusammenfall von Akkusativ und Genitiv oder den beiderseits nur regional begrenzten (Skollappisch — Wotisch) Wandel *ks > *hs*.

Mit dem Vortrag von Marianne Bakró-Nagy wurde das Thema von Helimski wieder aufgegriffen. Sie beleuchtete das lappisch-samojedische Verhältnis auf der Grundlage des UEW, das freilich die rein lappisch-samojedischen Gleichungen aus-